

И. А. Юртаева

*кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы и фольклора
Кемеровский государственный университет*

**ТРАДИЦИИ ПОЭМЫ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»
В ЦИКЛЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «МЕЛОЧИ ЖИЗНИ»
(к проблеме художественной целостности цикла)**

Проблема взаимосвязи творчества Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина неоднократно привлекала внимание исследователей. К изучению данного вопроса обращались С. Ф. Баранова, А. М. Гаркави, Г. З. Елисеева, В. Е. Евгеньева-Максимова, Ф. Я. Прийма, З. Ф. Смирнова [1]. В центре внимания литературоведов вопросы взаимосвязи, взаимообусловленности творчества обоих авторов, но следует подчеркнуть, что наиболее исследована проблема близости их идеологических исканий, проанализирована общественно-публицистическая платформа их деятельности. Такой подход к исследованию проблемы глубоко закономерен, поскольку творческие принципы писателей-современников, начавшие формироваться в рамках

«натуральной школы»), были близки в значительной степени, в силу близости идеологических исканий обоих художников.

Проблема художественной целостности цикла «Мелочи жизни» в связи с ориентацией автора произведения на поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» ранее не исследовалась. Рассмотрение этой проблемы позволит уточнить принципы творческих взаимосвязей двух выдающихся художников и общественных деятелей своего времени, уточнить представление о своеобразии историко-литературного периода 1880-х годов, кризисного, «переломного» по определению современников, в развитии русского общества, так как в цикле «Мелочи жизни» автор стремился подвести итоги не только своей деятельности, но и важнейшему этапу в развитии русской литературы, русского общества второй половины XIX века. Сопоставительный анализ углубляет представление о творческой индивидуальности писателя, стиле и особенностях художественных исканий последнего периода жизни М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Цикл «Мелочи жизни» был написан в переломный период развития русского общества, когда современники с особой остротой ощущали необходимость в определении перспектив дальнейшего развития, подведения итогов тем переменам, которые начались с после реформы отмены крепостного права, чем завершился подъем общественного движения 60-х годов. В кризисные периоды в связи с потребностью определить суть и смысл происходящего в настоящем, возрастает ориентация на традиции произведений предшествующих этапов развития литературы. Так Л. Н. Толстой обращается в 1880-х годах к вечным вневременным истинам, выраженным в древнейших жанровых формах – легендах, притчах, житиях, проповедях, традиционно вызывающих доверие у читателей. Такая ориентация проявляется, как правило, как осознанная авторская установка и как проявление «памяти жанра».

Построение «далевого образа» в цикле «Мелочи жизни» носит особый характер, поскольку для Салтыкова-Щедрина как для писателя-публициста, было характерно стремление к живому, непосредственному отклику на веяния современной действительности, переосмыслению текущего литературно-общественного процесса в его исторической конкретности.

В «Мелочах жизни» автор искал новые формы выражения современных идей в ориентации на произведения 1860-70-х годов, что явилось важнейшим фактором обогащения художественной структуры цикла. В таком аспекте писатель-сатирик не мог не обратиться к поэме «Кому на Руси жить хорошо», которую он опубликовал после смерти Н. А. Некрасова в «Отечественных записках» № 2 за 1881 г., заменив своего друга на посту редактора журнала.

Ориентация на поэму «Кому на Руси жить хорошо», ставшую, по определению В. Е. Евгеньева-Максимова, «энциклопедией русской жизни пореформенной действительности», позволила писателю дать ответ на вопрос о том, чем завершился подъем общественного движения «эпохи возрождения» (эпохи 1860-х годов по определению М. Е. Салтыкова-

Щедрина) в реальной действительности. Можно утверждать, что ориентация на поэму Некрасова носила осознанный характер, хотя при работе над циклом М. Е. Салтыков-Щедрин, вероятно, и не стремился к прямому соотношению цикла «Мелочи жизни» с этим произведением. По-видимому, художественный прием был рассчитан на неосознанное припоминание читателя.

С. Макашин отмечает, что «Мелочи жизни» – это «самое цельное произведение писателя, если воспринимать его с точки зрения той общей идеи, которой оно подчинено» [2]. Развитие некрасовской темы в рамках цикла можно назвать важнейшим фактором, определяющим его художественное единство.

Само название поэмы «Кому на Руси жить хорошо» свидетельствует о том, что в намерения автора входила задача дать всестороннее изображение русской жизни. Подобно Н. А. Некрасову автор цикла «Мелочи жизни» проводит смотр современной действительности: «общее настроение общества и масс – вот главное, что меня занимает» [3], – отмечает М. Е. Салтыков-Щедрин в философско-публицистическом введении к циклу. Вопрос, поставленный в поэме Н. А. Некрасова, поднимается и в цикле, но уже изначально можно предположить, что в результате исследования, предпринятого в рамках очеркового цикла, автору не удалось выявить положительное начало в современной действительности. Закономерно, что в таком случае тема всеобщего несчастья становится лейтмотивом произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. Говоря о ближайшем будущем, он пишет, что «сумма мелочей не только не умалится, но увеличится... и много несчастливцев породит эта глыба, много в своем нарастании увлечет она жертв в могилы» [9, с. 88].

Необходимость такого «смotra» на новом витке исторического развития возникнет не только в связи с задачей подведения итогов, но и потребности поиска «новых жизненных основ» (М. Е. Салтыков-Щедрин) для преодоления кризисного состояния общества.

В цикле «Мелочи жизни» М. Е. Салтыков-Щедрин создает галерею типов «переходного времени», причем, в связи с общей ориентацией на поэму Н. А. Некрасова, его интересует, как выделенные в поэме типы видоизменились под влиянием времени. «Была минута, когда мировые и земские учреждения внесли некоторое оживление в эту омертвелую среду, но время это памятно уже немногим современникам. Пришли новые люди и принесли с собой сознание о вреде так называемых пререканий и необходимости безусловно покориться веяниям минуты. А ежели и остались немногие из недавних старых, то они так легко выдержали процесс переодевания, что опознавать в них людей, которые еще накануне имели лапти с подковыркою совсем невозможно» [9, с. 84].

Закономерно, что после философско-публицистического введения, в котором раскрывается общая идея цикла, автор обращается к сельским типам (глава «На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений»), начиная с выделенного автором типа «хозяйственного мужичка»). Если в поэме «Кому

на Руси жить хорошо» автор воспеваает красоту и величие крестьянского труда, то в цикле очерков «хозяйственные мужички» лишены какого-либо поэтического ореола. Герой Салтыкова-Щедрина – честный, трудолюбивый крестьянин, который сумел добиться путем невероятных усилий и самоограничения достичь главной цели своей жизни – идеала «полной чаши», но постоянная мелочная борьба с нуждой, борьба за выживание, опустошила душу крестьянина. В его большой семье не сохранилось ни любви, ни привязанности, ни тепла: «Он достиг своей цели: довел свой дом до полной чаши. Но спрашивается: ...каким образом уверить его в том, что не хлебом единым жив бывает человек?» [9, с. 118].

В соответствии с особенностями структуры «далевого образа» Салтыков-Щедрин переходит к образу сельского священника. Фактически тип сельского священника, созданный в цикле, является вариантом ответа на вопрос семи странников, поставленный в поэме:

Скажи ж ты нам по-божески
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как – вольготно, счастливо
Живешь, честной отец? [4]

В изображении Салтыкова-Щедрина жизнь священнослужителя в условиях нового времени лишена духовной основы, все его силы уходят на борьбу с нуждой.

В галерее «портретов» русских людей переходной эпохи, созданной в «Мелочах жизни», особая роль принадлежит сельскому помещику. Необходимость обращения к представителю данной социальной группе предопределена в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Порвалась цепь великая,
Порвалась, расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику» [3, с. 241].

Автора очеркового цикла интересует, как сложилась жизнь у представителей этого социального слоя в кризисный период. Если герои Некрасова – Оболт-Обалдуев, князь Утятин – последыши, которые были выбиты из привычной жизненной колеи после реформы отмены крепостного права 1861 года настолько, что не смогли не только приспособиться к пореформенной эпохе, но даже воспринять ее, то Салтыков-Щедрин обращается к типу «убежденного помещика», который пытается в новых условиях следовать своему предназначению. Литературным прототипом этого образа является герой романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» – Константин Левин. Подобно Константину Левину «убежденный помещик» считает свою деятельность на земле исполненной высшего смысла, однако и его попытки продолжить дело своих предков в новых условиях оказываются

безрезультатными, и его поглощают «терзающие мелочи» жизни, постоянная борьба с которыми приводит к «оброшенности», одичанию, вынуждая оставить свое хозяйство, несмотря на глубоко нравственное понимание помещиком своего долга.

Преуспевает в новых условиях помещик-миroeд Конон Лукич лубков, который сумел приспособиться к новым условиям и продолжает грабить крестьян и в момент прихода «чумазого», как определяет М. Е. Салтыков-Щедрин процесс установления капиталистических отношений. Этот тип героя в силу объективных причин не был выведен в поэме Некрасова, поскольку во время написания поэмы этот тип еще не сформировался. Однако в рассматриваемых произведениях есть персонажи, которые не изменяют своей сути с течением времени и даже преуспевают в новых условиях. Это бывшие дворовые люди, лакеи:

Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем?
Кричит разбитый на ноги
Дворовый человек.-
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял.
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал [3, с. 211].

Аналогичный тип героя представлен в цикле «Мелочи жизни»: «... он воровал господские сигары и потчевал ими друзей, ел с господского стола, ходил в гости в господском платье и вообще получил вкус к барской жизни» [9, с. 154]. Но если в художественном мире поэмы финал такой судьбы закономерен: «У валика дорожного

Секут лакея пьяного.
Попался в воровстве» [3, с. 244]

То с наступлением капитализма бывшие лакеи преуспевают, а средства, наворованные ими у своих бывших господ, становятся основой их дальнейшего обогащения: «Период помещичьего закрепощения канул в вечность, наступил период закрепощения «чумазовского», – обобщает автор цикла.

Под влиянием оупляющей сил мелочей, ежедневной борьбы за существование изменяется и само представление о счастье. Так, например, в цикле нет личности, равной по масштабу некрасовским образам Матрены Тимофеевны, Ермиле Гирину, Якиму Нагому. Современная действительность не способствовала формированию такого героя, так как не была

ознаменована каким-либо значительным событием или масштабным общественным движением, и даже поэтические представления об эпической целостности народной жизни были утрачены. У персонажей поэмы «Кому на Руси жить хорошо» еще есть мечта о подлинно большом счастье, соотносимая представлением о высоком предназначении жизни человека, хотя герои поэмы осознают несбыточность их желаний: «Ключи от счастья женского

От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого» [3, с. 313].

Для героев «Мелочей жизни» счастьем считается возможность спокойно прожить день и не умереть с голоду. «Меня счастливицей называют, говорит о себе Надежда Владимировне Черезова. – Случай как-то помог, работу нашла. Могу комнату отдельную иметь, обед, хоть голодом не сижу» [9, с. 187].

В разделе «Девушки» – даны четыре женских портрета. Трагичны судьбы героинь этих очерков, что, по мысли автора, является следствием ненормального положения женщины в русском обществе. Самое страшное для героев Щедрина заключается в их покорности веяниям минуты, когда любая потребность к протесту или поиску лучшей доли поглощается страхом перед завтрашним днем, что проявляется буквально во всех сферах жизни и деятельности. В поэме Н. А. Некрасова большая роль предназначается революционерам-просветителям:

«Такая почва добрая –
Душа народа русского
О, сеятель, приди!» [3, с. 370].

Закономерно, что в цикле «Мелочи жизни» отдельная глава посвящена «сфере сеяния». Забота о духовной жизни народа теперь передана покорному земству, а также Любиму Торцову, известному персонажу Островского, вся энергия которого, подобно журнальной деятельности того времени в целом, сводится к постыдным мелочам. Таков печальный итог анализа развития революционного движения на данном этапе в рассматриваемом произведении Салтыкова-Щедрина.

Название следующей главы цикла – «Счастливец» в значительной степени высвечивает стремление автора найти ответ на вопрос, поставленный поэмой Некрасова, после обзора основных типов героев, порожденных эпохой. Главным героем этого очерка является Валерушка Крутицин – представитель консервативной элиты общества. Прототипами этого героя стали, с одной стороны, однокашники автора по лицу, с другой – герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» – Павел Петрович Кирсанов. «Он счастлив, потому что путь его ясен: Валерушке Крутицину предстоит продолжить дело его отца. «Я с благоговением приму его из рук моего отца в

свое время и останусь верен ему до последнего вздоха». При любых обстоятельствах он стремится высоко нести идеалы своего «знамени». Но автору цикла важно подчеркнуть, что невозможно механистически следовать стереотипам прошлого в новых условиях. Пустота и призрачность этих идеалов обнаруживается в трагическом итоге жизни героя, который осознает безрезультатность своей деятельности. В переходное время обостряются противоречия, и этот процесс свидетельствует о том, что невозможно спрятаться от реальной жизни за надуманными идеалами. Раньше Валерушки Крутицина это понял его восемнадцатилетний сын, которому было предназначено перенять «знамя» из рук отца. Разочаровавшись в уготованной ему «счастливой жизни», юноша покончил с собой. Характеризуя особенности мирозерцания «кризисного «периода», современники констатировали отсутствие общей философской основы, целостного мирозерцания. Так, А. П. Градовский писал, что если интеллигенция 80-х годов и «имеет какие-нибудь теоретические идеалы, то в качестве остатка или воспоминания от времен юности... то, что называется нашим мирозерцанием, есть ни что иное, как механистическое собрание разных мыслей, часто противоречивых. В нем найдется и отрывки из декларации прав 1789 г. И коран из речей Лассалья и места из «Жирондистов» Ламартина, из «Экономических противоречий» Прудона, из «Свободы» Милля и из «Общественного договора Руссо... Все это не пригодно для действий» [5]. Либеральная критика однозначно оценивает «переходное время». Критик журнала «Вестник Европы» А. Красносельский считал, что пессимизм – основное настроение, охватившее все социальные слои общества в конце 70-х – начале 80-х годов. «Апатия, тоска, потеря вкуса к жизни и счастью, разочарованность, глухое недовольство собой, недоверие к своим силам и крайнее ослабление веры в лучшие стороны человека и жизни – все эти разновидности пессимистического настроения опаснее тех редких случаев, когда человек доходит до самоубийства; уже по одному тому опаснее, что захватывает не тысячи людей, а сотни тысяч, целые общества и поколения» [6].

В поэме Н. А. Некрасова представление о счастье колеблется от утилитарной мечты о сытой жизни до мысли о том, что счастлив может быть человек, посвятивший жизнь служению народу. В цикле «Мелочи жизни» создана целая галерея образов типичных молодых людей того времени (глава «Молодые люди») – газетчиков, адвокатов, земских деятелей, данных в соотнесенности с образом поэмы Некрасова – Гришей Добросклоновым. Сережа Ростокин – своего рода вариант судьбы Стивы Облонского, персонажа романа «Анна Каренина», – «шалопай высшей школы», как он был назван в цикле, не задумывающийся ни о поисках истины, ни об идеалах служения народу. Деловые качества другого героя, представленного в этой главе, не нужны в мире мелочей. Под влиянием среды Евгений Люберцев превращается в бюрократа-карьериста.

Наиболее трагична судьба Николая Чудинова – бедного юноши, который умирает от чахотки, еще не успев начать жить. Он стремился учиться, верил

в будущее счастье, но для таких людей, по мысли М. Е. Салтыкова-Щедрина, широко раскрыта лишь одна дорога – «дверь в темное царство смерти». В условиях нового времени он даже не успевает пройти традиционных для революционной молодежи этапов жизненного пути, выделенных в поэме Некрасова:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника:
Чахотку и Сибирь [3, с. 395]

Проблема поисков счастья, «общей идеи» приобретает в цикле еще более трагическое звучание, что объясняется кризисным состоянием общества. «В наше время произошло бегство из действительности в область философских, религиозных и этических вопросов. Появляется и другой признак отчаяния: исчезает непосредственное чувство жизни. А на место его выступает мучительная рефлексия над тем, что носит свой смысл в самом себе и плохо поддается рефлексии над жизнью: усилия разгадать ее, найти теоретически тот смысл, который утратила разгромленная действительность» [7]. С этим суждением современника созвучна мысль М. Е. Салтыкова-Щедрина в очерке «Имярек»: «Старцы и юноши, люди свободных профессий и люди ярма, белой кости и чернь – все крутится в одном и том же омуте мелочей, не зная, что, собственно, находится в конце этой неусыпающей суеты и какое значение она имеет в экономии общечеловеческого прогресса» [9, с. 428].

Общая оценка умонастроений эпохи созвучна и с темой подведения итогов жизни в авторской исповеди. Закономерно, что в очерке «Имярек» находит завершение и некрасовская тема. Здесь впервые в цикле упомянуто имя Некрасова: «Недаром Некрасов назвал «блаженным» удел незлобивого поэта, но и недаром он предпочел остаться верным музе мести и печали» [9, с. 433]. Салтыков-Щедрин упоминает в заключительном очерке два стихотворения Н. А. Некрасова: «Блажен незлобивый поэт» и «Замолкни муза мести и печали», сопровождая их следующим комментарием: «Последняя (муза мести и печали) – И. Юртаева) вносит в жизнь известный ореол, который самой оброшенности может сообщить характер гордости и силы» [9, с. 433]. Преуспевают в «переходное время» «незлобивые». Свою же судьбу, свои идеалы имярек соотносит с жизненным выбором Н. А. Некрасова, подчеркивая общность убеждений, близость судеб, подчиненных гражданскому долгу, верность передовым идеалам, давая таким образом высокую оценку творческой деятельности поэта: «К счастью, Имярек по самой природе своей, по всему складу своей жизненной деятельности не смог не остаться верным той музе, которая однажды озарив его существование, уже не оставляла его» [9, с. 433].

Анализируя пройденный жизненный путь, выдающийся писатель говорит о том, что главным счастьем в его жизни была возможность увидеть

отклик в душе читателя – это «самые счастливые минуты, которые испытывает убежденный писатель на трудном пути своем» [9, с. 439].

Возрождая в рамках цикла традиции поэзии Некрасова, Салтыков-Щедрин подчеркнул различие задач, стоящих перед поэтом и прозаиком в осуществлении творческих задач: «Поэт, в справедливом сознании светозарности совершаемого им подвига мысли имел полное право воскликнуть, что он глаголом жжет сердца людей, но при данных условиях слова эти были только отвлеченной истиной, близкой к самообольщению. Когда окрест царит глубокая ночь, та ночь, которую никакой свет не в силах объять, тогда не может быть места для торжества живого слова» [9, с. 213].

Проблема поисков счастливого в фольклорной форме путешествия семи мужиков-странников в поэме Н. А. Некрасова – это традиционный способ постижения народного бытия, поэтому закономерна преемственность в исследовании основного вопроса о жизни народа и связанных с ним проблем общественного развития, проявившаяся в цикле «Мелочи жизни», в котором писатель дополняет и развивает их в соответствии с условиями времени.

Но если «эпоха возрождения» способствовала формированию особого состояния мира, которое могло послужить фоном для возникновения эпопеи в том числе «эпопеи современной крестьянской жизни», то в «переходное время» была утрачена связь между общественной жизнью и частным бытом, буквально жизнь распалась на мелочи. Намерение Щедрина «подвести итоги» обуславливало и необходимость поиска адекватной художественной формы. К созданию большого эпического полотна стремились в переходный период многие писатели. А. П. Чехов, Л. Н. Толстой неоднократно писали о своем желании написать роман. Но кризисное состояние мира в 1880-х годах не могло стать благоприятной основой для возникновения новой эпопеи. Поэтому писатель обращается к циклу как к форме, которая не только наиболее соответствовала его творческой индивидуальности, художественному замыслу, но и потребностям эпохи.

Тем не менее, 1870 годы – это особый период в жизни русского общества, который нельзя определить однозначно. Справедливо мнение Ю. В. Лебедева о том, что «Некрасов не мог не ощущать, как в жизни русской деревни 70-х годов разрушаются основы, питавшие общерусское единое начало крестьянского характера. И поэтому он был вынужден внести в текст поэмы эти общенациональные, общерусские стихи путем прямых фольклорных заимствований» [8]. Такое использование фольклора явилось важнейшим условием поэтической целостности поэтической концепции мира в поэме. Очерковые циклы, как правило, лишены цельной и законченной сюжетно-композиционной структуры. Традиционно форма цикла выступает на первый план в историко-литературном процессе в те моменты, когда романский синтез в осмыслении бытия становится невозможным в силу кризисного состояния действительности.

Следует отметить, что поэма Некрасова, оставшаяся незавершенной, носит циклический характер. Тема путешествия семи странников в «Кому на Руси жить хорошо» становится важнейшим фактором художественного

единства произведения. Сюжет путешествия, соотносимый авторами, как правило, с задачей проведения смотра, анализа современной действительности, становится скрепой, сюжетным стержнем, определяющим идейно-тематическое единство произведений.

В «Мелочах жизни» некрасовская тема выполняет аналогичную функцию, став основной скрепой, с которой соотнесена архитектура произведения. Поскольку в основу цикла положен поэтический замысел, то автору удастся достичь максимальной цельности, возможной в рамках очеркового цикла, в осмыслении кризисного периода, характеризовавшимся отсутствием связи между частным, единичным и общей жизнью. Диалог писателя – публициста с поэтом, определяющий особый характер «далевого образа» в цикле, вызван необходимостью активизации читательского сознания, поиском «читателя-друга», контакт с которым может составить счастье художника в сложный момент развития общества.

Литература

1. Баранов С. Ф. Салтыков-Щедрин и Н. А. Некрасов / Учен. зап. Иркутского гос. пед. ин-та. 1959. – Вып. 15.
Гаркави А. М. Щедрин и Некрасов / Учен. зап. Калининградского гос. пед. ин-та. 1960. – Вып. VII. – Ч. 1
Елисеев Г. З. Некрасов и Салтыков / Рус. Бог. 1893. – № 9/
Евгеньев-Максимов В. Е. Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин / Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и его современники. – М. Федерация. 1930.
Прийма Ф. Я. Н.А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин./ Некрасовский сборник. Т.7. Л. Наука.1980.
Смирнова З. В. Общественно-политические и философские взгляды Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина / Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. Т. 11. М. АН СССР. 1956.
2. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. – М.: Худож. лит. 1989. – С. 393.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни / Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. Соч. В. 10 т. Т. 9. – М. Правда. 1988. – С. 97. Далее сноски на это издание будут даны в тексте с указанием в скобках тома и страницы.
4. Некрасов Н. А. «Кому на Руси жить хорошо» – / Некрасов Н. А. Собр. соч. В 8 тт. Т. 3. – М. Худож. лит., 1965. – С. 173.
5. Градовский А. П. Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты. – СПб., 1880. – С. 7.
6. Красносельский Л. Пессимизм и прогресс / Вестник Европы. 1885. – № 8. – С. 708.
7. Рубинштейн М. Философская и общественная жизнь в России. – Русская мысль. 1910. – С.190.
8. Лебедев Ю. В. Н. А. Некрасов и русская поэзия 1870-х годов / в кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. Вып. 40. – Ярославль, 1975. – С. 87.